

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ /
POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.091-103>

EDN: <https://elibrary.ru/pooena>

УДК / UDC 324(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Кооптация оппозиции на региональных
выборах в России: факторы влияния
(на примере кампаний 2019–2023 гг.)**

А. В. Горохов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Москва, Российская Федерация)
avgorohov@bk.ru*

Аннотация

Введение. Политические процессы в регионах России давно привлекают внимание исследователей. Не в последнюю очередь их интересуют региональные выборы в парламенты, при анализе которых изучается не только баланс сил среди политических партий, но также и феномен кооптации – предоставления оппозиции руководящих постов в обмен на статус-кво. Имеющиеся исследования показывают противоречивые результаты в проверке факторов влияния на кооптацию, которыми чаще всего выступают институциональные факторы региональной политики и карьерные характеристики самих депутатов. Цель исследования – проверка влияния данных факторов на кооптацию. **Материалы и методы.** Материалами исследования выступают электоральные результаты системной оппозиции (в лице КПрФ, ЛДПР и «Справедливой России»). Основным методом послужил регрессионный анализ на базе итогов 89 выборов в парламенты за 2019–2023 гг. как наиболее актуальных и релевантных. На основе имеющихся исследований отобраны переменные влияния на кооптацию: институциональные (роль главы региона и особенности регионального парламента) и персональные (наличие опыта работы в политике или бизнесе).

Результаты исследования. Установлено, что наиболее значимыми для кооптации институциональными факторами стали особенности структуры регионального парламента (количество руководящих должностей и число депутатов), персональными – опыт партийной работы и опыт работы на руководящей должности в составе предыдущего созыва парламента. Выявлено также, что значимым нередко становится и наличие у депутатов опыта работы в бизнесе.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты подтверждают выводы о том, что решение о кооптации чаще принимается на основе предыдущего карьерного опыта депутатов, и данные персональные характеристики являются ключевыми по сравнению с институциональными особенностями региональной политики. Полученные результаты, помимо исследовательского интереса, могут быть востребованы региональными отделениями партий, их функционерами и представителями в законодательных органах власти для понимания факторов повышения эффективности работы.

© Горохов А. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: региональный парламент, системная оппозиция, парламентский консенсус, кооптация оппозиции, регрессионный анализ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Горохов А.В. Кооптация оппозиции на региональных выборах в России: факторы влияния (на примере кампаний 2019–2023 гг.). *Регионоведение*. 2025;33(1):91–103. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.091-103>

Co-Optation of the Opposition in Regional Elections in Russia: Factors of Influence (Evidence of Campaigns 2019–2023)

A. V. Gorokhov

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation)
avgorokhov@bk.ru

Abstract

Introduction. Political processes in Russia’s regions have attracted the attention of researchers for a period. They are not the least interested in regional elections to parliaments, which analyze not only the balance of power between political parties, but also the phenomenon of co-optation, i.e. granting leadership positions to the opposition in exchange for the status quo. The available studies show contradictory results when testing the factors influencing cooptation, which are mostly institutional factors of regional politics and career characteristics of the deputies. The aim of this article is to test the influence of these factors on cooptation.

Materials and Methods. The research materials are electoral results of the systemic opposition (represented by the CPRF, LDPR and Just Russia). Regression analysis was used as a research method based on the results of 89 parliamentary elections 2019–2023 as the most relevant. Based on the available research, the selected variables of influence on co-optation were divided into institutional (the role of the head of the region and features of the regional parliament) and personal (political or business experience).

Results. It was revealed that the most significant institutional factors were the features of the structure of the regional parliament (the number of leadership positions and the number of seats). Among personal characteristics, the main role is played by party experience and previous leadership in the previous parliament. The experience of deputies in business was also significant.

Discussion and Conclusion. The results confirm that the decision on co-optation is most often based on the previous career experience of parliamentarians, and these personal characteristics are key ones compared to the institutional features of regional politics. The results obtained, in addition to the research interest, may be in demand by regional branches of parties, their functionaries and representatives in legislative bodies to understand the factors of performance improvement.

Keywords: regional parliament, systemic opposition, parliamentary consensus, opposition co-optation, regression analysis

Conflict of interests. The author declares no conflict of interest.

For citation: Gorokhov A.V. Co-Optation of the Opposition in Regional Elections in Russia: Factors of Influence (Evidence of Campaigns 2019–2023). *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):91–103. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.091-103>

Введение. Политические процессы в регионах России являются предметом интереса исследователей в силу их важности для анализа управления в субъектах или общестранового уровня в целом, а также для понимания траекторий дальнейшего политического развития. Не в последнюю очередь внимание направлено на анализ электоральных процессов, поскольку российские выборы и связанные с ними политические изменения не просто тесно переплетаются, но и оказывают взаимное влияние друг на друга на разных уровнях [1].

Отдельный интерес по ряду причин представляют выборы в субъектах России. Данные кампании влияют на аккумуляцию поддержки на федеральном уровне, а потому политические партии уделяют им особое внимание [2]. Кроме того, именно от действий избранных депутатов часто зависят не только политические, но и социально-экономические изменения в регионах. Совокупность данных факторов приводит к тому, что исследовательский интерес направлен не только на электоральные региональные процессы в целом, но и на конкретных акторов – партии и их представителей.

Опыт исследований электоральных процессов в России имеет долгую историю, связанную в том числе с общей эволюцией политического режима в стране и особенностями отношений «центр – регионы» [3]. Чаще всего в фокусе исследователей оказывается партия «Единая Россия» и ее представители, а также те механизмы и практики, за счет которых ей удается добиваться стабильного политического доминирования [4; 5]. Однако стабильность данного доминирования неразрывно связана с оппозиционными силами, которые часто готовы идти на сотрудничество с властью с целью получения возможных выгод. Подобная форма отношений получила название «кооптация», которая чаще всего анализируется через получение оппозицией руководящих должностей в условиях доминирования провластных сил [6].

Имеющиеся работы, посвященные анализу взаимодействия политических партий через призму кооптации, приобретают все большую популярность среди отечественных исследователей благодаря актуальности. Помимо аналитической востребованности, механизм позволяет объяснять формирование партийных коалиций в условиях, когда оппозиционные партии переживают очевидный идеологический кризис, что отражается в снижении электоральной поддержки. Однако эмпирические данные показывают, что указанные факторы далеко не всегда приводят к такой же тенденции в разрезе получения руководящих должностей.

Вместе с тем среди исследователей отсутствует консенсус касательно объяснений описанного выше противоречия – обусловлена ли таким образом кооптация институциональными особенностями региональной политики или личными качествами самих кооптируемых? Кроме того, нельзя забывать и про тот факт, что свою роль играют и социально-экономические различия регионов, что оставляет возможность для анализа.

Исходя из этого, цель исследования – анализ кооптации оппозиции в регионах России в разрезе влияния на нее институциональных факторов и персональных характеристик.

Обзор литературы. Многие публикации, посвященные политическим режимам и особенностям их функционирования, отмечают, что устойчивость власти, в том числе региональной, придают во многом электоральные кампании, которые выступают не только как форма обновления состава властной элиты, но и в качестве механизма выстраивания баланса между различными группами. Часто данное влияние анализируется через логику парламентского консенсуса, институциональной формы взаимодействия разных политических сил¹.

По мере эволюции исследовательских подходов и изучения взаимодействий политических партий в парламенте стало очевидно, что консенсус может быть

¹ Riker W. The Theory of Political Coalitions. New Haven; London: Yale University Press, 1962. 312 p.

не только формой равнозначного сотрудничества между политическими силами, но и быть представленным в крайней форме – через кооптацию. Под ней исследователи понимают совокупность формальных и неформальных связей, за счет которых действующая власть вынуждает прочие политические силы вступать в консенсус в обмен на различные бенефиты – политические, экономические и др. [7]. Кооптация отличается от консенсуса по нескольким факторам: неравный характер отношений между акторами, доминирующий характер действующей власти, желание самой политической оппозиции сохранять действующий статус-кво и др. [8; 9]. Чаще всего, когда речь идет о кооптации, исследователи изучают ее формальную сторону – получение представителями оппозиции руководящих должностей в региональном парламенте, за счет которых политическая оппозиция способна осуществлять свою деятельность без привязки к электоральным результатам [10].

Существует немало трактовок данного концепта, но наиболее универсальным будет понимание кооптации как механизма взаимовыгодного сотрудничества за счет формальных и неформальных связей с целью формирования консенсуса между оппозицией и властью за счет предоставления первой различного рода бенефитов [11; 12]. В более узком смысле отмечается, что кооптация – это получение представителями оппозиции руководящих должностей в парламенте в условиях доминирования провластных политических сил [6; 13]. Также подчеркивается, что за счет кооптации возможно не только формирование провластной коалиции или ее расширение [14], концепт также может использоваться и для объяснения механизма функционирования парламента и его внутреннего консенсуса, поскольку кооптация проявляется ярче всего именно в рамках парламента [15].

Концепт кооптации широко используется отечественными исследователями для объяснения того, каким образом политическим партиям удается сохранять баланс отношений с властью, а также как успех или неуспех кооптации влияет на политические силы [6; 14; 16]. Однако чаще всего концепт выступает лишь как инструмент анализа, и гораздо реже – в качестве полноценного предмета анализа. Те немногие работы, которые посвящены данной проблематике, сводятся к измерению консенсуса между политическими силами, который может различаться в зависимости от региона [6; 14]. В то же время исследования, направленные на углубление представлений о кооптации через поиск факторов и закономерностей влияния, оказываются перед дилеммой: уделять больше внимания общим особенностям политической системы и так называемым институциональным факторам политики [13; 14] или фокусироваться на анализе индивидуальных особенностей кооптируемых, которые приводят к их вхождению в провластную коалицию [16].

Отечественные выборы и политические процессы вокруг них, учитывая наличие региональных и федеральных кампаний, позволяют рассматривать структуру договоренностей между политическими силами на разных уровнях [17]. Важно подчеркнуть, что, подобно зарубежным работам, при анализе кооптации в России исследователи фокусируются на формальной стороне данного взаимодействия, поскольку руководство парламента избирается депутатами самостоятельно (будь то федеральный или региональный уровень). В результате у оппозиции появляется шанс на заключение договоренностей с властями и получение бенефитов [6].

Отметим, что изучение кооптации в России связано с рядом ключевых особенностей политической системы, отличающихся от международного опыта: институциональный характер кооптации, которая происходит в рамках органов законодательной власти [14]; важность региональной политики для понимания индивидуальных особенностей и кейсов [6]; наличие доминирующей над остальными партии «Единая Россия», что вынуждает прочие силы выстраивать свою тактику поведения [17]; изучение сугубо системной оппозиции, под которой понимаются партии, стабильно участвующие в кампаниях федерального уровня и за счет этого имеющие возможность реализовывать получаемую выгоду от кооптации [18].

Однако ключевым предметом спора между исследователями остается вопрос о том, какие факторы оказывают наибольшее влияние на кооптацию. Важным здесь является различие между институциональными, понимаемыми как совокупность внешних факторов региональной политики, влияющих на кооптируемых извне, и персональными характеристиками депутатского корпуса, которые чаще всего сводятся к особенностям их карьерных траекторий.

Говоря о первой категории, отечественные исследователи отмечают, что в условиях российской политики главы региона занимают особые позиции в силу так называемых патронажных связей – особого типа отношений посредством формальных и неформальных взаимодействий, за счет которых акторы способны влиять на политические процессы². Используя подобную исследовательскую логику, удается не только по-другому оценивать систему взаимодействия элитных групп в стране, но и погружаться в отдельные аспекты взаимодействия [19]. Данный подход широко используется исследователями при анализе российской политики – было убедительно доказано, что за счет патронажа главы регионов могут создавать целые «политические машины», с помощью которых они не только влияют на политику в регионе, но и контролируют состав политических элит [20]. Таким образом, важным фактором становится фигура самого патрона, т. е. главы региона, от которого зависит распределение полномочий и бенефитов среди остальных членов элиты. При этом исследования о влиянии данного фактора на кооптацию оппозиции отсутствуют.

В эту же группу факторов влияния на кооптацию стоит отнести и особенности регионального парламента как арены для взаимодействия между партиями [13; 21]. Исследователями доказано, что часто действующая власть может изменять конфигурацию регионального парламента, чтобы за счет этого предоставить партиям больше стимулов для кооптации [6]. Следовательно, значимость подобных факторов, особенно в сопоставлении с персональными характеристиками, нельзя недооценивать.

Иной группой факторов являются персональные характеристики самих кооптируемых – сторонники данного подхода пытаются понять причины того, что же вынуждает власти идти на кооптацию с теми или иными представителями системной оппозиции. В центре анализа находятся индивидуальные, приобретаемые в ходе карьеры характеристики, которые и помогают более углубленному пониманию кооптации как персонифицированного взаимодействия. Также они позволяют ответить на вопрос о том, почему конкретные депутаты включаются

² Hale H. *Patronal Politics Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge University Press, 2014. 542 p.

в провластную коалицию. Разделение исследовательских подходов, как правило, связано с разной ролью в анализе условно «политических факторов» карьеры (работой в партийных структурах, наличием предыдущего опыта избрания и др.) и экономических – работой в бизнесе как форме получения определенной власти и влияния [14; 17; 22].

Однако несмотря на отмеченные выше подходы, среди исследователей отсутствует единая позиция относительно ключевых для кооптации факторов. Чаще всего отмечается роль институциональных факторов, однако куда более интересным является вопрос о том, какие именно особенности депутатского корпуса важны в решении о кооптации, а также являются ли они более значимыми по сравнению с институциональными. В связи с этим остается актуальным определение роли институциональных и персональных факторов влияния на кооптацию.

Материалы и методы. В центре анализа – электоральные кампании в региональные парламенты за 2019–2023 гг., и это не случайно. Электоральные результаты основных представителей системной оппозиции³ на выборах за указанный период снижаются, что накладывается также на внутренние проблемы самих партий с позиционированием в глазах избирателей и организационные трудности [23]. Кроме того, это совпадает с окончанием текущего электорального цикла, привязанного к проведению выборов президента России, что является удобной временной рамкой анализа. Вместе с тем данная ситуация может быть выгодной для кооптации, поскольку у партий появляется больше стимулов для заключения соглашений с «Единой Россией» и получения руководящих должностей.

В рамках анализа были рассмотрены все электоральные кампании, которые состоялись в 2019–2023 гг. (в общей сложности 89) с акцентом на формируемых по их итогам руководства региональных парламентов. Подобный широкий фокус анализа позволил, с одной стороны, максимально детально проанализировать региональные парламенты с точки зрения наличия или отсутствия в них кооптации, а с другой – избежать искажения полученных результатов.

Для ответа на вопрос о том, какие именно факторы оказывают ключевое влияние на кооптацию оппозиционных партий, использован регрессионный анализ, который позволяет проверить влияние отобранных переменных. Основным видом регрессии выступила *logit*-регрессия, с помощью нее изучено влияние факторов на наличие кооптации, которая будет кодироваться в бинарном виде, так же как и ряд независимых переменных, что позволяет эффективнее использовать именно данный вид регрессии.

Зависимой переменной будет выступать наличие у представителей отмечаемой ранее системной оппозиции (ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия») руководящих должностей в региональном парламенте – постов заместителей председателя парламента и глав профильных комитетов (в рамках кодировки 1 – наличие подобных должностей, 0 – отсутствие) [6; 17]. Данный подход уже показал свою эффективность в аналогичных исследованиях и позволит зафиксировать отличия между партиями в получении подобных должностей и детальнее углубиться в специфику факторов влияния для отдельных партий.

³ Под представителями оппозиции в данном исследовании понимаются КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» как исторически самые стабильные партии в контексте результатов на федеральном и региональном уровнях, а также чаще остальных партий занимающие руководящие должности.

Для независимых переменных были отобраны факторы, которые, исходя из упоминавшихся выше исследований, будут разделены на институциональные и персональные. К первым были отнесены факторы, связанные с фигурой главы региона и общими особенностями региональных парламентов (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. **Описательные характеристики независимых переменных**

Table 1. **Descriptive characteristics of independent variables**

Переменная / Variable	Среднее значение / Mean	Медиана / Median	Диапазон / Range
Происхождение губернатора / Origin of governor	0,74	1	0–1
Ротация до выборов в парламент / Rotation before parliamentary elections	0,48	0	0–1
Количество руководящих постов в парламенте / Number of leadership positions in parliament	12,06	11,5	5–22
Количество избираемых депутатов / Number of elected deputies	46,37	45	15–110
Опыт предыдущего руководства в парламенте / Experience of previous parliamentary leadership	0,68	1	0–1
Опыт партийной карьеры / Experience of a party career	0,42	1	0–1
Опыт работы в бизнесе / Business experience	0,39	0	0–1

Среди показателей, связанных с губернатором, как отмечалось выше, большую роль играют создаваемые главами регионов патронажные сети. За счет них губернаторы создают укорененные связи с местной политической элитой, в пользу которой часто распределяются политические и иные блага. Возможная ротация нарушает эту сложившуюся систему отношений, и одним из наиболее влиятельных факторов, снижающих вероятность смены главы региона, является уровень его патронажности [24] или «происхождения» – связана ли его политическая карьера с опытом на федеральном уровне (является ли он «варягом») или же он выходец из местных элит. Данная переменная будет представлена в бинарном виде (1 – губернатор-«варяг», 0 – выходец из местной элиты).

Другим важным фактором, связанным с главой региона, является возможность ротации перед выборами в региональный парламент. Исходя из обозначенной роли стабильности отношений региональной элиты, смена губернатора может нарушить этот баланс⁴, в том числе в региональном парламенте, что в свою очередь повлияет на кооптацию. Переменная также будет представлена в бинарном виде (1 – наличие смены главы региона до выборов в парламент, 0 – отсутствие ротации).

Для изучения переменных, связанных с особенностями региональных парламентов, исходя из имеющихся исследований о значимости подобных характеристик, были отобраны следующие: общее число доступных руководящих должностей (председателя парламента, его заместителей и глав постоянных комитетов), а также общее количество избираемых депутатов в парламент. Оба показателя ранее демонстрировали разную степень значимости в рамках проверки их влияния на кооптацию, что позволяет использовать их в рамках нашего анализа [6].

⁴ Turovsky R. F. The Systemic Opposition in Authoritarian Regimes: A Case Study of Russia's Regions // Civil Society Awakens? The Systemic and Non-Systemic Opposition in the Russian Federation: National and Regional Dimensions. 2015. Pp. 121–137.

Куда более интересными представляются «персональные» характеристики кооптируемых акторов, связанные с их карьерными траекториями. Как отмечалось, их условно можно разделить на политические и экономические: к первым, исходя из имеющихся зарубежных и отечественных исследований, были отнесены опыт предыдущего избрания на руководящую должность (1 – в случае релевантного опыта, 0 – при отсутствии), а также построение карьеры в партийных структурах представителей системной оппозиции (на федеральном или региональном уровне) (1 – при релевантном опыте, 0 – при отсутствии) [13]. Данные показатели позволят максимально полно охватить механизмы получения политического капитала, которые могут влиять на кооптацию тех или иных представителей системной оппозиции.

В качестве «экономического» фактора для переменной было выбрано наличие опыта работы в бизнесе регионального или федерального масштаба (на руководящей должности). Исследования показали, что вхождение в бизнес-элигу или представительство интересов федерального бизнеса в регионе может стать значимым фактором для получения руководящей должности в парламенте [17; 25]. Данная переменная также будет представлена в бинарном виде: 1 – наличие опыта работы, 0 – его отсутствие.

Были использованы и контрольные переменные: доля русского населения среди жителей региона (по данным переписи населения за 2021 г.) и логарифм ВРП региона на душу населения – для учета влияния социально-экономических особенностей регионов.

Результаты исследования. Проанализируем подробнее полученные результаты статистического анализа для всех трех представителей системной оппозиции (табл. 2). Как видим, данные регрессионного анализа демонстрируют, что характер влияния факторов на кооптацию системной оппозиции отличается в рамках разных политических сил, однако ряд сходств также отмечается. Первое, что стоит выделить, – незначимость переменных, связанных с фигурой главы региона. Несмотря на то, что губернаторы в регионах России являются ключевыми акторами, определяющими политическую жизнь, их влияние на парламенты и кооптацию политических сил отсутствует, что позволяет делать выводы о большей роли в кооптации договоренностей непосредственно между партиями.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа кооптации системной оппозиции: факторы влияния (количество наблюдений – 89)

Table 2. Results of regression analysis of cooptation of system opposition: factors of influence (number of observations – 89)

Зависимая переменная / Dependent variable	КПРФ / CPRF	ЛДПР / LDPR	СП / JR
1	2	3	4
Происхождение губернатора / Origin of governor	-0,841 (0,609)	0,439 (0,473)	0,475 (0,386)
Ротация губернатора до выборов в парламент / Rotation of a governor before parliamentary elections	-0,532 (0,727)	0,951 (0,818)	-0,860 (0,734)
Количество руководящих постов в парламенте / Number of leadership positions in parliament	0,347* (0,166)	-0,123* (0,059)	0,098 (0,073)
Количество избираемых депутатов / Number of elected deputies	-0,512 (0,478)	-0,370 (0,291)	0,769* (0,383)
Опыт предыдущего руководства в парламенте / Experience of previous parliamentary leadership	-0,863** (0,399)	0,751** (0,321)	0,474* (0,372)

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4
Опыт построения партийной карьеры / Experience of a party career	0,672** (0,319)	0,448* (0,223)	-0,520* (0,244)
Опыт работы в бизнесе / Business experience	0,532 (0,425)	0,899** (0,231)	0,671* (0,305)
Доля русского населения / Share of the Russian population	0,087* (0,039)	0,023* (0,012)	0,024* (0,11)
Логарифм ВРП на душу населения / Log of GRP per capita	0,012* (0,006)	-0,037** (0,018)	-0,019* (0,008)

Примечания / Notes. 1. Зависимая переменная – наличие кооптации представителей партии после выборов в региональный парламент / Dependent variable – availability of cooptation of party representatives after elections to the regional parliament.

2. КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации; ЛДПР – Либерально-демократическая партия Российской Федерации, СР – партия «Справедливая Россия» / CPRF – Communist Party of the Russian Federation; LDPR – Liberal Democratic Party of the Russian Federation, JR – Just Russia Party.

3. Значимость показателей / Significance of variables: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Что же касается институциональных факторов, связанных с особенностями региональных парламентов, то их влияние было более значимым. В частности, число руководящих постов влияет на кооптацию как КПРФ, так и ЛДПР, но с разным эффектом: если для КПРФ увеличение их числа повышало шансы на кооптацию, то в случае ЛДПР ситуация была противоположной. Данное расхождение может объясняться в том числе зависимостью от электоральных результатов, которые могут увеличивать шансы партий на получение должностей, что уже было доказано исследователями [6; 14; 17]. В то же время для «Справедливой России» данный показатель был незначим, а куда больший эффект на кооптацию их представителей оказало общее число избираемых депутатов – с ростом их числа в парламенте пропорционально увеличиваются шансы представителей партии быть кооптированными. Данный результат может объясняться в целом слабой электоральной поддержкой справедливороссов на фоне остальной системной оппозиции, а потому логично, что с расширением коалиции оппозиционных партий увеличивается вероятность их вхождения в руководство парламента.

Более важными стали персональные характеристики кооптируемых депутатов. При анализе политических факторов обе переменные оказались значимые, но снова стоит отметить разную степень влияния на кооптацию для каждой из партий. В случае КПРФ опыт работы в руководстве одного из предыдущих созывов парламента оказывал негативное влияние на возможность получения руководящих должностей в обновленном парламенте, что может быть связано с запросом на обновление представителей системной оппозиции. В то же время опыт работы в партийных структурах партии положительно влиял на шансы кооптации КПРФ, что можно связать с сильной опорой коммунистов на собственный партийный аппарат в целом. На кооптацию ЛДПР предыдущий опыт руководящих должностей депутатов наоборот влиял положительно, но и депутаты, построившие карьеру по партийному треку, как и в случае с КПРФ, увеличивали возможность кооптации партии – данные результаты могут объясняться успешной ставкой партии на расширение своих возможностей по получению руководящих постов за счет разных

своих представителей. Наконец, говоря о «Справедливой России», важно подчеркнуть значимость для нее наличия депутатов, уже имевших ранее опыт работы в руководстве парламента. Однако партийная карьера для справедливороссов стала негативным фактором кооптации, что может быть связано в целом с большой текучестью кадров и размытостью электората, в результате чего этот фактор не играл той же роли, что и для КПРФ и ЛДПР.

Значимым предыдущий опыт работы в бизнесе для кооптации партий оказался для ЛДПР и «Справедливой России», что в целом подчеркивает ставку партий на выходцев из бизнеса, которых активно включают в партийные списки в обмен на возможное спонсорство. В то же время для КПРФ данный фактор оказался незначимым, что может объясняться как ставкой партии на свой партийный актив, так и в целом куда меньшей долей представителей бизнеса среди депутатов от КПРФ.

Подводя итоги того, какие факторы оказали большее влияние на кооптацию, отметим, что очевидный перевес наблюдается в сторону персональных характеристик кооптируемых акторов. В целом данный вывод согласуется с выводами зарубежных и отечественных исследователей кооптации и связанных с ней процессов. Однако важно подчеркнуть, что роль институциональных особенностей региональных парламентах нельзя недооценивать; часто именно различия законодательных органов позволяют оппозиционным партиям получать руководящие посты в тех или иных субъектах России.

В анализе влияния политических или экономических особенностей карьеры депутатов на кооптацию в пользу первых были получены куда более убедительные эмпирические результаты даже несмотря на разный характер влияния факторов. Опыт работы в бизнесе стал значимым для двух анализируемых партий, однако данные результаты, вероятно, могут быть скорректированы по мере расширения временной и региональной выборки исследования в силу куда меньшего количества депутатов с опытом работы в бизнесе на фоне строивших карьеру по политическому треку.

Обсуждение и заключение. Концепт кооптации действительно является важным исследовательским инструментом для анализа формирования баланса политических сил. Вместе с тем имеющиеся исследования показывают, что факторы, влияющие на кооптацию, не поддаются универсальной логике и должны рассматриваться исходя из специфики анализа регионов России, как было представлено в данной статье.

В отличие от предыдущих исследований, посвященных изучению кооптации в регионах России, проведенный анализ ставил своей целью объединение имеющихся подходов к проверке влияния факторов, оказывающих влияние на получение системной оппозицией руководящих должностей в региональных парламентах. На основании предыдущих исследований были отобраны ключевые институциональные и персональные факторы, которые оказывают влияние на кооптацию как партий в целом, так и отдельных их членов в частности. В результате на примере выборов в региональные парламента в 2019–2023 гг. было получено, что значимыми для кооптации системной оппозиции в лице КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» оказались институциональные факторы, связанные с особенностями устройства региональных парламентах, а также факторы наличия у депутатов опыта работы в политике (руководящая должность в предыдущем созыве парламента или построение

карьеру через партийные структуры). Нельзя не отметить и значимость построения карьеры в бизнесе для кооптации.

Представленный анализ является лишь одной из попыток измерения кооптации, особенно в контексте персональных характеристик и сопоставления их с институциональными. Остаются значительные возможности для углубления изучения механизма встраивания системной оппозиции в процесс принятия решений в региональных парламентах, но вместе с тем поиск критериев для объединения депутатов по индивидуальным признакам становится задачей нетривиальной. Также возможно расширение временной и региональной выборки работ, как и включение в них новых партий для рассмотрения, прежде всего «Новых людей» как наиболее близкого к привычной системной оппозиции игрока. Перспективы и успех данных работ будут зависеть от отбираемых факторов, и данное исследование может послужить для них отправной точкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Любарев А.Е. Корреляционный анализ итогов голосования на российских федеральных и региональных выборах 2011–2018 гг. *Политическая наука*. 2021;(1):205–225. <http://doi.org/10.31249/poln/2021.01.09>
Lyubarev A.E. Correlation Analysis of Voting Results in the Russian Federal and Regional Elections of 2011–2018. *Political Science*. 2021;(1):205–225. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.31249/poln/2021.01.09>
2. Turovsky R., Sukhova M. Federal and Subnational Elections in Russia: Coherence and Divergence in Electoral Outcomes. *Russian Politics*. 2020;5(3):329–353. <https://doi.org/10.30965/24518921-00503004>
3. Turovsky R., Funk K. Electoral Reforms in Russia's Regions: An Equilibrium between Disproportionality and Legitimacy. *Russian Politics*. 2022;7(4):485–511. <https://doi.org/10.30965/24518921-00604028>
4. Арутюнов А.Г. Особенности региональных выборов в современной России (по материалам пяти субъектов Российской Федерации). *Власть*. 2021;(3):99–103. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8147>
Arutyunov A.G. Features of Regional Elections in Modern Russia (On the Materials of Five Subjects of the Russian Federation). *Vlast (The Authority)*. 2021;(3):99–103. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8147>
5. Абрадова Е.С. Партии и выборы в современной России. *Власть*. 2021;(2):102–106. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8005>
Abradova E.S. Parties and Elections in Modern Russia. *Vlast (The Authority)*. 2021;(2):102–106. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8005>
6. Туровский Р.Ф., Сухова М.С. Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил. *Полития*. 2021;(2):121–143. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>
Turovsky R.F., Sukhova M.S. Co-Optation of Opposition in Russian Regional Parliaments: Game that Breaks Rules. *Politeia*. 2021;(2):121–143. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>
7. Gandhi J., Przeworski A. Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorships. *Economics and Politics*. 2006;18(1):1–26. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0343.2006.00160.x>
8. Magaloni B. The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule. *American Journal of Political Science*. 2010;54(3):751–765. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00458.x>
9. Buckles G. Internal Opposition Dynamics and Restraints on Authoritarian Control. *British Journal of Political Science*. 2019;49(3):883–900. <https://doi.org/10.1017/S0007123417000126>

10. Reuter O.J., Robertson G. Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes. *The Journal of Politics*. 2015;77(1):235–248. <https://doi.org/10.1086/678390>
11. Arriola L.R., Devaro J., Meng A. Democratic Subversion: Elite Cooptation and Opposition Fragmentation. *American Political Science Review*. 2021;115(4):1358–1372. <https://doi.org/10.1017/S0003055421000629>
12. Wiebrecht F. Between Elites and Opposition: Legislatures' Strength in Authoritarian Regimes. *Democratization*. 2021;28(6):1075–1094. <https://doi.org/10.1080/13510347.2021.1881487>
13. Kavasoglu B. Opposition Party Organizational Features, Ideological Orientations, and Elite Co-Optation in Electoral Autocracies. *Democratization*. 2022;29(4):634–654. <https://doi.org/10.1080/13510347.2021.1994552>
14. Dollbaum J. Curbing Protest through Elite Co-Optation? Regional Protest Mobilization by the Russian Systemic Opposition during the “For Fair Elections” Protests 2011–2012. *Journal of Eurasian Studies*. 2017;8(2):109–122. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.01.002>
15. Golosov G.V. Co-Optation in the Process of Dominant Party System Building: The Case of Russia. *East European Politics*. 2014;30(2):271–285. <https://doi.org/10.1080/21599165.2014.899211>
16. Mikhasev T., Golosov G.V. Reluctant Cooptation: The Legislative Recruitment of the Private Sector into Russia's Dominant Party, 2015–2020. *Party Politics*. 2023;29(5). <https://doi.org/10.1177/13540688231202856>
17. Нисневич Ю.А. Российская «партия власти» vs доминантная партия. *Полития*. 2021;(4):183–199. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-103-4-183-199>
Nisnevich Y.A. Russian “Party of Power” vs Dominant Party. *Politeia*. 2021;(4):183–199. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-103-4-183-199>
18. Сулимов К.А. Партия власти и системная оппозиция в Государственной Думе: различия в структуре территориального образа России. *Ars Administrandi*. 2022;14(4):589–606. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-4-589-606>
Sulimov K.A. Party of Power and Systemic Opposition in the State Duma: Differences in the Structure of Russia's Territorial Image. *Ars Administrandi*. 2022;14(4):589–606. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-4-589-606>
19. Гришина А.М., Мелешкина Е.Ю. Механизмы сохранения власти доминантной партии в условиях авторитарного режима в Мексике. *Политическая наука*. 2015;(1):83–94. URL: <https://www.politnauka.ru/jour/article/view/392> (дата обращения: 12.08.2024).
Grishina A.M., Meleshkina E.Yu. Mechanisms of Preserving the Power of the Dominant Party in an Authoritarian Regime in Mexico. *Political Science*. 2015;(1):83–94. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.politnauka.ru/jour/article/view/392> (accessed 12.08.2024).
20. Гилев А.В., Семенов А.В., Шевцова И.К. «Политические машины» и их «Водители»: электоральное администрирование на местном уровне. *Полития*. 2017;(3):62–80. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3\(86\)-62-80.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3(86)-62-80.pdf) (дата обращения: 12.08.2024).
Gilev A.V., Semyonov A.V., Shevtsova I.K. “Political Machines” and their “Drivers”: Electoral Administration at Local Level. *Politeia*. 2017;(3):62–80. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3\(86\)-62-80.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3(86)-62-80.pdf) (accessed 12.08.2024).
21. Malesky E., Schuler P. Nodding vs Needling: Analyzing Delegate Responsiveness in an Authoritarian Parliament. *American Political Science Review*. 2010;104(3):482–502. <https://doi.org/10.1017/S0003055410000250>
22. Reuter O.J., Szakonyi D. Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia. *American Political Science Review*. 2019;113(2):552–568. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3046900>
23. Горохов А.В. Кооптация оппозиционных партий в региональных парламентах России: анализ и динамика. *Псковский регионологический журнал*. 2023;19(3):3–19. <http://doi.org/10.37490/S221979310026941-8>
Gorokhov A.V. Cooption of Opposition Parties in Russian Regional Parliaments: Analysis and Dynamics. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2023;19(3):3–19. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.37490/S221979310026941-8>

24. Баландин Ю.А. Патронаж как ключевой предиктор ротации губернаторов: факторы устойчивости глав регионов России после возвращения губернаторских выборов в 2012 г. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2022;16(4):73–84. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-4-73-84>
Balandin Yu.A. Patronage as a Key Predictor of Governor's Rotation: Factors of Stability of the Heads of Russian Regions after the Return of the Governor's Elections in 2012. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022;16(4):73–84. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-4-73-84>
25. Szakonyi D. Corruption and Cooptation in Autocracy: Evidence from Russia. *American Political Science Review*. 2024;118:1–18. <http://doi.org/10.2139/ssrn.4308351>

Об авторе:

Горохов Александр Владимирович, аспирант факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3118-9403>, Researcher ID: [ABF-5192-2021](https://orcid.org/0000-0002-3118-9403), SPIN-код: 3650-9330, avgorohov@bk.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 14.08.2024; одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 16.12.2024.

About the author:

Aleksandr V. Gorokhov, PhD Student, Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3118-9403>, Researcher ID: [ABF-5192-2021](https://orcid.org/0000-0002-3118-9403), SPIN-code: 3650-9330, avgorohov@bk.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 14.08.2024; revised 01.11.2024; accepted 16.12.2024.